

А. С. Лобанова

**О ВНЕШНЕЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СРЕДСТВАМИ
ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛОКАЛЬНЫХ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП КОМИ-ПЕРМЯКОВ,
А ТАКЖЕ РУССКИХ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ
КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА)**

Статья посвящена вопросам, связанным с наименованиями этнических групп коми-пермяков, а также русских, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа. Особое внимание уделено современному этнониму *коми-пермяк*, содержащему в своем составе и иноязычный компонент (пермяк), и термин-самоназвание (коми), как исключительному примеру подобной самоидентификации среди всех представителей финно-угорской семьи языков.

В статье затрагивается проблема вариативности наименований, обозначающих сегодня язвинских и зюздинских коми-пермяков, проживающих за пределами Коми-Пермяцкого округа.

Показаны причины появления пейоративных этнонимов в речи коми-пермяков.

Материал демонстрирует, что оппозиция «человек моей группы» – «человек иной группы» (пусть и родственной по языку), как и следовало ожидать, основывается, в первую очередь, на особенностях языка, как наиболее важном признаке любого этноса.

Наименования, обозначающие этнические группы коми-пермяков, на современном этапе характеризуются целым рядом особенностей. Для официального обозначения этноса (коми-пермяк) принят вариант, содержащий и внешний этноним, и компонент-самоназвание. В неофициальной обстановке сохраняется самоназвание (коми), при этом утрачивается иноязычный термин (пермяк). Язвинские коми-пермяки и зюздинские коми-пермяки для самоидентификации приняли внешний идентификатор (пермяк) и утратили связь с самоназванием (коми). Для реализации ведущего междialeктного отличия на территории Округа используются наименования-пейоративы *лӧдз / вӧдз* «овод».

Русскоязычное население Юрлинского р-на Коми-Пермяцкого округа, именуемое коми-пермяками *парёнки*, идентифицирует себя наименованием-прозвищем русского происхождения.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, самоназвание, внешний этноним, мотивированный этноним, этноконнотация, этническая группа, коми-пермяки, русские, язвинские коми-пермяки, зюздинские коми-пермяки.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-403-411

Человеку свойственно идентифицировать себя как члена той или иной группы: социальной, этнической, языковой, возрастной и т.д. Оппозиции «я» – «не я», «свой» – «чужой» представляют интерес для многих научных направлений: психологии, социологии, этнологии и др. Данная дифференциация интересна и лингвистам [Головкин 2001, Березович 2002, Потапова 2005 и др.].

Коми-пермяки в аспекте этнической и языковой самоидентификации, судя по всему, до настоящего времени не были объектом специального исследования, хотя многие историки и этнографы в своих работах называют этнообозначения, которыми идентифицируют себя сами коми-пермяки или которыми наделяет их русское окружение [Чагин 1995, Климов 2007, Черных 2007 и др.]. В них иногда предпринимаются попытки этимологического анализа того или иного наименования локальной этнической группы; встречаются и народные толкования названий определенных групп людей, относящихся к коми-пермяцкому этносу; или русских, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа. Этнонимы *пермяк*, *коми*, *коми-пермяк* проанализированы с точки зрения происхождения и некоторыми лингвистами [Напольских 1997, Цыпанов 1998], их точка зрения будет продемонстрирована ниже. Типам прозвищ коми-пермяков и их происхождению посвящена статья Т. Г. Голевой «Этнотерриториальная и этнокультурная идентичность коми-пермяков в прозвищных названиях групп» (2013).

Об этноконнотациях, возникающих в речи коми-пермяков в связи с употреблением различных этнонимов, мы писали в статье «О культурных коннотациях отдельных этнонимов в языке коми-пермяков» (2014). Лингвистический материал позволил утверждать, что любая иная национальность противопоставляется своей, коми-пермяцкой; иные народы кажутся коми-пермяку красивыми, доб-

ротно одетыми, но чужими, не умеющими говорить на их родном языке, а также в меру ленивыми, недоброжелательными, непонятными. Коннотации, связанные с этнонимами, не транслируют ни ненависти, ни враждебности, ни уничижительного отношения к иным национальностям. Все мотивированные этнонимы коми-пермяками адресованы представителям своей национальности: соседям, знакомым, коллегам и др. [Лобанова 2014, 85–91].

Предмет внимания в данной статье – наименования локальных этнических групп, характеризующие коми-пермяков и русских на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края, а также названия коми-пермяцких этногрупп, встречающиеся за пределами Округа. Попытаемся поразмышлять о причинах и источниках их появления, обозначим в них наличие или отсутствие пейоративных семантических нагрузок.

Незначительное количество лингвокультурологических исследований, выполненных на коми-пермяцком материале; отсутствие в имеющихся словарях лексем, обозначающих ареальные этнические группы, или коннотаций, возникающих в связи с обозначением тех или иных групп людей, представляют актуальность данной работы.

Напомним, что этноним *коми-пермяк* относительно своего происхождения довольно молод: он был введен в активный оборот в 20-е годы XX столетия с образованием Коми-Пермяцкого национального округа (1925). До этого периода за народом, проживающим на обширных территориях Верхнего Прикамья, закрепилось наименование *пермяки*, а их язык называли *пермяцким*. Все сохранившиеся письменные источники, составленные до возникновения автономного образования и передающие особенности языка коми-пермяков или их материальную и духовную культуру, обозначены этим термином. Назовем некоторые из них: Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный ... Антонием Поповым (1785), Н. А. Рогов «Опыт грамматики пермяцкого языка» (1860), Букварь для пермяков Иньвенского края (1899) и др. Отдельные письменные работы с этим наименованием попадали в архивы родственных по языку государств и позднее использовались там или даже издавались [Redei 1968].

Судя по всему, *пермяк* – это внешний этноним; а самоназванием для обоих современных коми народов (коми-пермяков и коми-зырян) был этноним *коми* [Напольских 1997, 55–60]. Надо признать, что таковым он практически остается до сих пор. Не в официальной обстановке коми-пермяки сами себя и свой язык часто называют *коми*, но при этом с родственным народом, проживающим в Республике Коми, идентификацию, единства не ощущают: они иные, они живут в Сыктывкаре, а мы – в Кудымкаре. Исключение составляют язвинские коми-пермяки и зюдинские коми-пермяки, их этническая самоидентификация на современном этапе связана с термином *пермяк*. Об этих этнических группах коми-пермяков более подробно остановимся ниже.

Получается, что из числа всех финно-угорских народов только коми-пермяки совместили внешний этноним с самоназванием, именно этим наименованием теперь этнос выделяет себя из числа всех других народов, а свой язык противопоставляет всем остальным языкам. Относительно этимологии обоих компонентов – *коми* и *пермяк* – ученые, судя по всему, уже перестали спорить и согласились, что *коми* возводится к понятию «мужчина, человек» [КЭСКЯ 1970, 132; Напольских 1997, 55; Цыпанов 1998, <http://komikyv.com/archives/5977>], а *пермяк* – к прибалтийско-финскому **perä maa* «задняя земля» [Напольских 1997, 56 и др.]. Вот как подвел итог всем разногласиям известный специалист по коми языку Е. А. Цыпанов: «Относительно происхождения этнонима *коми* наиболее убедительной является гипотеза, согласно которой основа этнонима *ком* восходит к общефинно-угорскому слову со значением «человек, представитель своего рода», которая обнаруживается в удмуртском языке в словах *сара-кум* «зырянин, человек из рода сара», *выжы-кум* «родня, человек из своего рода», ср. мансийское *кум* «человек». Это подтверждается также тем фактом, что самоназвания народов часто связаны с понятиями «люди», «народ», «свой человек», «человек» [Цыпанов 1998, <http://komikyv.com/archives/5977>].

Принято считать, что этническая самоидентификация на уровне языка может реализоваться в двух плоскостях. Во-первых, этнос, идентифицируя себя, отталкивается от всего чужого, отделяет свой родной язык от всех остальных [Чагин 2002, 261]. Классический пример – образование слова *варвары* (термина *варваризмы*): в древности греки определяли как «не греков» всех, чей язык звучал для них, как *barbarbar*; отсюда название, которое по-русски звучит, как «варвары» [Головкин <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/469/38469/16267>]. В данном случае роль языка в самоидентификации несомненна, при этом язык выступает как внешний фактор.

В другом случае этническая группа идентифицирует себя, исходя из какого-либо признака (признаков), присущего именно своему языку, но отсутствующего даже в соседней, зачастую близкой и по языку, и по культуре, группе. Обе стороны идентичности взаимосвязаны и обеспечивают выживание и сохранение этнической общности.

В нашем случае при комментировании первого аспекта следует остановиться на этнониме *роч* «русский», который в этом значении характерен сегодня для всех пермских языков, что говорит о его солидном возрасте (ср. к-п. *роч*, к-з. *роч*, удм. *жуч*). Вот что отмечают авторы Краткого этимологического словаря коми языка относительно происхождения данной лексемы: «Это пермское слово считают заимствованием из прибалтийско-финских языков, в которых оно обозначало жителя Скандинавии... Первоначально слово *роч* в пермском языке-основе могло обозначать прибывшего из других краев, чужеземца» [КЭСКОЯ 1970, 243]. Судя по всему, первоначально лексема имела значение «чужой», а позднее закрепилась за понятием «русский». Впоследствии *роч* с семантикой «русский» заимствовали ханты и манси. «С данным этнонимом в языке коми-пермяков значительно больше ситуаций для его применения. Во многих случаях языковой аспект стал причиной возникновения оппозиции. Русский язык коми-пермяками воспринимается как чужой, а носитель этого языка - как неспособный к общению, к коммуникации» [Лобанова 2014, 88].

Второй аспект, когда небольшие расхождения в языке, называемые диалектами и говорами, позволяют членам разных групп вступать в оппозицию «мой язык» – «не мой язык», наиболее сложный и неоднозначный. Как известно, многими исследователями коми-пермяки подразделяются на четыре этнические группы: иньвенские (южные) коми-пермяки, косинско-камские (северные) коми-пермяки, зюздинские (верхнекамские) коми-пермяки и язьвинские коми-пермяки [Черных 2007 и др.], что позволяет говорить о четырех наречиях языка [Баталова 1998]. Сложившаяся к сегодняшнему дню картина самими представителями этих групп характеризуется довольно интересными маркерами. Их самоидентификация иногда реализуется неожиданными наименованиями, а имеющиеся словари эти особенности, как правило, не отражают.

Заметим, что диалектное многообразие языка коми-пермяков дает повод удивляться лингвистам-диалектологам: как на такой относительно небольшой территории могло возникнуть такое разнообразие ареальных языковых особенностей. Причем, при тесном контакте диалекты полностью не ассимилируются соседними, наиболее крупными диалектами, а продолжают оставаться индивидуальными, самостоятельными; хотя определенное влияние со стороны соседей, конечно, испытывают. Сами носители ареальных особенностей проводят четкую идентификацию: говорит как я – говорит иначе.

На этой почве в языке коми-пермяков, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа, возникли два довольно обидных наименования-прозвища *вӧдз* и *лӧдз* «овод». Чаще используются в форме множественного числа: *вӧдзез* и *лӧдзез* «оводы». Первым вариантом называют носителей так называемых взовых диалектов, в речи которых полностью отсутствует звук [л]. Второй прозвищный вариант характеризует тех, кто в своей речи использует этимологический [л]. *Инькайт вӧдзезсис я мый я? Да кыдз нӧ баитат?* В зн. «Твоя жена что ли из тех, кто говорит со звуком в? И как же вы разговариваете»? *Лӧдзез группааным нӧля, пӧл да ныл баитӧны.* В зн. «Тех, кто говорит со звуком л, в нашей группе четверо, пӧл (вм. лит. пӧв «доска». – А. Л.) да ныл (вм. лит. ныв «дочь» - А. Л.) говорят». О происхождении в коми языках в/л диалектов можно ознакомиться в работах В. И. Лыткина (1957), Р. М. Баталовой (1982) и др. исследователей названных языков.

Наблюдая за студентами коми-пермяцко-русского отделения Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета на протяжении многих лет, за учителями коми-пермяцкого языка во время различных мероприятий, когда в одной аудитории оказываются представители взовых и эловых диалектов, практически всегда становишься свидетелем того, как четко они идентифицируют себя: «вӧдзез» всегда оказываются рядом со своими, «лӧдзез» – со своими. Каждый представитель иронизирует над речью своего соплеменника и считает свой диалект более правильным. Первые потому, что на основе взового кудымкарско-иньвенского диалекта сформированы нормы коми-пермяцкого литературного языка; вторые – потому, что варианты с этимологическим [л] являются первичными, значит, по их мнению, более правильными.

Возникшие на коми-пермяцкой почве наименования групп людей *вӧдзез* и *лӧдзез*, связаны с диалектными особенностями, характерными для их представителей. В Коми-пермяцко-русском словаре (1985) в словарной статье, посвященной лексеме *лӧдз* «овод», иные коннотации отсутствуют. Сложно сказать, почему оппозиция названных звуков, повлекшая за собой появление наименований для локальных этнических подгрупп, реализуется словом *лӧдз/вӧдз* «овод», а не каким-либо другим.

Полагаем, что название не самого привлекательного насекомого, издающего неприятные уху звуки, неслучайно в данной ситуации получает дополнительную отрицательную коннотацию. Заметим, что представители животного мира у носителей коми-пермяцкого языка довольно часто вызывают различного рода ассоциации, что, в свою очередь, становится причиной появления у наименования дополнительной коннотации, чаще отрицательной. Об этноконнотациях, связанных с наименованиями птиц, животных, насекомых, возникающих в речи коми-пермяков, можно узнать в некоторых наших статьях [Лобанова 2016, 2017, 2018]. В данной ситуации удивляет и в определенной степени успокаивает то, что носители двух ареалов одного языка негативную семантику по отношению к другой группе реализуют одним словом, сохраняя тем самым определенное равновесие, пропорцию. Т. е., представители взовых диалектов и эловых диалектов не придумывают два разных варианта для обозначения звукового оппозиционера, а пользуются одним и тем же наименованием, но с нужной звуковой составляющей. Т. Г. Голева, отмечая функциональный аспект анализируемых этнонимов, обращает внимание на то, что представители эловых диалектов северного наречия коми-пермяцкого языка ими пользуются реже, чем южные коми-пермяки, в речи которых отсутствует этимологический [л] [Голева 2013, 46].

За пределами Коми-Пермяцкого округа изолированно от основной массы носителей коми-пермяцкого языка проживают язьвинские коми-пермяки и зюздинские коми-пермяки. Первый компонент в обоих наименованиях указывает на территорию, занимаемую этнической группой. Язьва – наименование реки, вдоль которой издавна селились язьвинцы. Зюздино – устаревшее наименование населенного пункта Афанасьево, в окрестностях которого, по мнению специалистов, примерно с XVII проживают зюздинские коми-пермяки. Отсюда и появились сокращенные варианты язьвинцы (*язьвинса*) и зюздинцы (*зюзьдинса*, *зюзьдяккес*), причем последние обращение *зюзьдяк* в свой адрес воспринимают как оскорбительную, обидную форму. Само слово *зюздяк* (согласно орфоэпическим особенностям оно звучит как [з'уз'д'ак]. – А. Л.), якобы, возникло от гидронима Сюзьва [Коньшин 2016, 83], хотя ни фонетических, ни словообразовательных предпосылок для такого перевоплощения (Сюзь- →Зюзьд-) нет. Данные наименования локальных этнических групп не являются самоидентифицирующими для их представителей. Как уже отмечалось выше, и язьвинцы, и зюздинцы называют себя и признают себя только под этнонимом *пермяки*. Приведенный далее отрывок из статьи известного знатока язьвинских коми-пермяков Г. Н. Чагина вполне можно адресовать и зюздинским коми-пермякам, поскольку они о себе отзываются точно так же: «Пишемся теперь русскими, говорим чужим людям, что мы русские. Но мы не русские и не коми-пермяки. Язык у нас свой, пермяцкий, и считаем себя пермяками» [Чагин 1995, 68]. На каком этапе своего развития эти две этнографические группы потеряли свое самоназвание *коми* и приняли аллоэтноним *пермяк*, сегодня вряд ли кто ответит с достоверной точностью. Можно лишь сказать, что в работах, выполненных на материале язьвинцев и зюздинцев, сохранившихся с XIX столетия, они названы *пермяками*, а их язык – *пермяцким* [Genetz 1897]. Но, как уже отмечалось выше, так называли всех коми-пермяков до начала XX столетия. Сейчас возникает другой, этического характера, вопрос: насколько исследователи правомерны применять этнонимы, которые не воспринимаются носителями названных этнических групп или к которым они относятся без необходимого доверия.

Больше всех в этой неразберихе с ареальными этнонимами пострадали и продолжают испытывать неудобство потомки тех древних коми, которые столетиями проживают на Пермской земле, чьи предки изначально поселились вдоль реки Язьва. В научных исследованиях, выполненных на материале языка и культуры язьвинцев уже в наши дни, их часто называют *язьвинскими пермяками* (также как и зюздинцев – *зюздинскими пермяками*. – А. Л.), т. е. без компонента *коми* [Чагин 1995, 2002; Пономарева 2005; Климов 2007; Коньшин 2016 и др.]. В то же время сегодня довольно употребителен этноним *коми-язьвинцы* [Паршакова 2003; Лобанова, Кичигина 2012 и др.]. Неспособность в научном мире договориться (уступить, признать) по поводу наименования, обозначающего древний народ, веками проживающего на территории современного Красновишерского района Пермского края, привела к такой широкой вариативности этнонимов для одной группы. Не осведомленный в этих нюансах исследователь может посчитать, что язьвинцы, коми-язьвинцы, язьвинские пермяки и язьвинские коми-пермяки – это разные этнические группы. От своего современного самоназвания *пермяки* эти две этногруппы, испытывающие большие сложности в сохранении языка и своей локальной индивидуальности, сегодня вряд ли откажутся, а на иные наименования они реагируют довольно эмоционально (отрицательно). При использовании этнонимов на названных территориях необходима максимальная аккуратность.

Хочется остановиться еще на одном интересном моменте, который касается уже идентификации коми-пермяками русских, жителей Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа. Их принято называть *парёнками*. *Юрлинсасõ мийõ парёнказõн шуамõ, ния мян моз озõ баитõ, кõtь и пистик сёйõны, черõшлан чулõtõны, мян моз касътисьõны и вõрисьлись полõны. Менам племенничалõн мужикыс Юмись*. В зн. «Жителей Юрлинского района мы называем парёнками, они по коми-пермяцки (букв. «по-нашему») говорить не умеют, хотя и пистики едят, обряд черõшлан проводят, так же поминуют умерших и лешего боятся. У моей племянницы муж из Юма». (Зап. от Петровой Анны Васильевны, с. Пелым, Кочевский район, 1955 г.р.)

В коллективной монографии «Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX веков. Материалы и исследования» (2003) отмечены интересные моменты, касающиеся самосознания самих юрлинцев и об отношении к ним соседей коми-пермяков. «Юрлинцы обладают особым групповым самосознанием, выделяют себя из соседнего коми-пермяцкого окружения и русских других районов Прикамья. В качестве самоназвания ими часто используется определение «парёнки», так юрлинцев называют коми-пермяки, так часто и они определяют себя. Происхождение этого названия, по одной версии, связано с активным употреблением в говоре слова «паря» (парень), по другой, - с распространённым блюдом традиционной юрлинской кухни – парёнками» [Юрлинский край 2003, 12]. В юрлинских деревнях встречается еще одно самоназвание – *сорича* (т.е. смесь). «Мы не русские и не коми, сорича мы» [там же]. По поводу наименования *сорича* у нас нет никаких иных толкований, считаем, что следует согласиться с мнением авторов названной монографии. А вот по поводу этнообозначения *парёнки* хочется подискутировать. Версию, связанную с частым употреблением в речи слова *паря*, от которой якобы произошла форма *парёнка*, считаем неубедительной. Во-первых, как от имени существительного мужского рода *паря* (*парень*) могло образоваться отглагольное *парёнка*? Полагаем, что здесь представлены разные способы словообразования. Во-вторых, вряд ли слово-паразит может стать причиной появления наименования для довольно значительной группы людей. По поводу другого довода тоже есть сомнения. Напомним, что, по мнению исследователей, свою нынешнюю территорию – Юрлинский район Коми-Пермяцкого округа – русское население заняло еще в XVII столетии [Власова 1995, 59], разделив относительно компактное пермяцкое население на две части: южную и северную. Вызывает сомнение, что народ стал себя самоидентифицировать наименованием отварного овоща. Заметим, что паренки и в коми-пермяцкой кулинарной традиции довольно долго оставались приоритетными. Допускаем, что пермяки всех тех, кто укоренился на этом небольшом русском острове, стали называть их же словом *парёнка*, адаптировав фонетически [парйонка] и морфологически *парёнказ* «парёнки». Конечно, не обошлось и без эмоционально-оценочного оттенка слова. Жители Юрлинского района в глазах коми-пермяков – ни то, ни сё; ни русские, ни коми-пермяки; что-то близко к семантике русского фразеологизма *ни рыба, ни мясо*. Согласимся, что парёнка, отварной овощ, чаще репа или свекла, очень подходит для реализации такого семантического оттенка. Считаем, что юрлинские русские приняли предложенное им пермяками название потому, что оказались в полном окружении другого языка и в силу своей немногочисленности по сравнению с соседним народом. Без сомнения, юрлинцы чувствуют наличие в нем негативной оценки. В Коми-пермяцко-русском словаре *парёнка* в рассмотренном здесь значении не обозначена, приведено только исходное значение: **парёнка** см. **паренича** пареная репа (брюква); – **пõжны** парить брюкву [КПРС 1985, 323].

Таким образом, идентификация локальных групп коми-пермяков и русских, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа, реализуется довольно интересными этнонимами и этнонимами-прозвищами.

Относительно внешней идентификации и самоидентификации материалы и наблюдения также демонстрируют интересные моменты. Внешняя идентификация редко признается самой этнической группой, чаще всего она не приживается, и этноидентификацией остается этноним-самоназвание. В качестве примеров можно привести этнонимы, введенные в свое время для обозначения многих финно-угорских народов: остяк, вотяк, вогул, черемис и др., которые к сегодняшнему дню считаются устаревшими или, употребляясь в речи, оснащены пейоративной семантикой. А этнонимы-самоназвания выполняют свои функции и сейчас: ханты, удмурты, манси, марийцы и др. – известные всем термины. В случае с коми-пермяками, проживающими в Кировской области (зюздинские коми-пермяки) и Красновишерском районе Пермского края (язвинские коми-пермяки) произошла обратная тенденция – их самоопределением утвердился внешний этноним *пермяк*. Примерно такая же картина наблюдается и в случае с локальным наименованием этнической группы *парёнки* – юрлинские русские приняли предложенное им коми-пермяками название.

Приведенные в статье материалы позволяют утверждать, что наименования, обозначающие этнические группы коми-пермяков, на современном этапе характеризуются целым рядом особенностей. Для официального обозначения этноса (коми-пермяк) принят вариант, содержащий и внешний этноним, и компонент-самоназвание. В неофициальной обстановке сохраняется самоназвание (коми), при этом утрачивается иноязычный термин (пермяк). Язьвинские коми-пермяки и зюздинские коми-пермяки для самоидентификации приняли внешний идентификатор (пермяк) и утратили связь с самоназванием (коми). Для реализации ведущего междиалектного отличия на территории Округа используются наименования-пейоративы *лӧдз / вӧдз* «овод».

Оппозиция «человек моей группы» – «человек иной группы» (пусть и родственной по языку), как и следовало ожидать, основывается, в первую очередь, на особенностях языка, как наиважнейшем признаке любого этноса.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М., 1982. 167 с.
- Баталова Р. М.* Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении. Научный доклад, представленный в качестве дис. на соиск. уч. степ. док. филол. наук. М., 1998. 69 с.
- Березович Е. Л., Гулик Д. П.* Ономаσιологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / отв. ред. Г. П. Нешименко. М.: Наука, 2002. С. 232–253.
- Власова И. В.* К изучению этнографических групп русских (Юрлинцы) // Наш край. Сборник статей научно-популярных и краеведческих. Кудымкар, 1995. Вып. 7. С. 58–65.
- Голева Т. Г.* Этнотерриториальная и этнокультурная идентичность коми-пермяков в прозвищных названиях групп // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Материалы XI всероссийской научной конференции. Т. 2. Актуальные проблемы современной науки: взгляды молодых исследователей. Екатеринбург, 2013. С. 44–48.
- Головкин Е. В.* Язык и самоидентификация. Язык и этничность. Электронный ресурс. // Единое окно доступа к образовательным ресурсам. URL: <http://window.edu.ru/windowcatalog/pdf2txt?pid=16267> (дата обращения: 01.01.2019).
- Климов В. В.* Олан вужжез / Корни бытия. Этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар, 2007. 368 с.
- Коньшин А. Е.* Исследования о зюздинских пермяках в исторической ретроспективе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Том 10. Вып. 4. С. 83–88.
- КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / авт.-состав. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.
- КЭСКОЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / авт.-состав. В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. М., 1970. 386 с.
- Лобанова А. С.* О культурных коннотациях отдельных этнонимов в языке коми-пермяков // Традиционная культура. Научный альманах. 2014. № 3(55). С. 85–91.
- Лобанова А. С.* Орнитоним РАКА «ВОРОНА (ВОРОН)» в коми-пермяцком языке. Лингвокультурологический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 4(36). Пермь, С. 22–30.
- Лобанова А. С.* Ящерица (дзӧдзыв) в культуре и в языке коми-пермяков. Ономаσιологический и семасиологический аспекты // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2017. Т. 27, Вып. 3. С. 459–467.
- Лобанова А. С.* Лингвокультурологический аспект метафоризации коми-пермяцких названий насекомых // Научный журнал. Филология в XXI веке. Пермь, 2018. № 1. С. 172–180.
- Лобанова А. С., Кичигина К. С.* Русско-коми-язьвинский словарь. Пермь, 2012. 244 с.
- Лыткин В. И.* Историческая грамматика коми языка. Введение. Фонетика. Ч. 1. Сыктывкар, 1957. 135 с.
- Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. 268 с.
- Паршакова А. Л.* Коми-язьвинский букварь. Пермь, 2003. 135 с.
- Пономарева Л. Г.* Материалы по изучению консонантизма языка язьвинских пермяков. Пермь, 2005. 22 с.
- Потапова О. В.* Языковые этнические стереотипы и их представление в белорусской, русской и польской лексикографии XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2005.
- Цыпанов Е. А.* Коми этнонимы. <http://komikyv.com/archives/5977>. (дата обращения: 01.01.2019).
- Чагин Г. Н.* Язьвинские пермяки (история и традиции) // Наш край. Сборник статей научно-популярных и краеведческих. Кудымкар, 1995. Вып. 7. С. 65–83.
- Чагин Г. Н.* Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь, 2002. 384 с.
- Черных А. В.* Народы Пермского края. История и этнография. Пермь, 2007. 296 с.

Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX веков. Материалы и исследования / авт. коллектив: А. А. Бахматов, И. А. Подкоков, А. В. Черных, С. В. Хоробрых. Кудымкар, 2003. 496 с.

Genetz A. Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors: Die finnische Literatur-Gesellschaft, 1897. 57 s.

Redei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A. Wolegows von Karoj Redei. Budapest. 1968. 139 s.

Поступила в редакцию 19.07.2019

Лобанова Алевтина Степановна,
кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24
E-mail: lobanova@pspu.ru

A. S. Lobanova

**ON EXTERNAL AND ETHNIC IDENTIFICATION BY MEANS OF LANGUAGE
(BASED ON THE NAMES OF LOCAL ETHNOGRAPHIC GROUPS OF THE KOMI-PERM
AND THE RUSSIAN LIVING IN THE TERRITORY OF KOMI-PERM DISTRICT)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-403-411

The article is devoted to the issues related to the names of ethnic groups of the Komi-Perm people, as well as the Russians living in the Komi-Perm district. Special attention is paid to the modern ethnonym *Komi-Permyak*, which contains in its composition both the foreign component (Permyak) and the term-self-name (Komi), as an exceptional example of such self-identification among all representatives of the Finno-Ugric language family.

The article touches upon the problem of variability of names denoting today the Yazva and Zuzdin Komi-Perm people living outside the Komi-Perm district.

Reasons for the emergence of pejorative ethnonyms in the speech of the Komi-Perm are revealed.

The material shows that the opposition "the person of my group" - "the person of a different group" (even if the languages are cognate) first of all is based on the features of language as the most important sign of any ethnos.

A number of features characterizes the names denoting ethnic groups of the Komi-Perm people at the present stage. For the official designation of the ethnic group (Komi-Permyak), a variant containing both an external ethnonym and a self-name component were adopted. In an informal setting, the self-name (Komi) is preserved, while the foreign term (Permyak) is lost. Yazva Komi-Perm and Zuzdin Komi-Perm for the self-identification adopted the received external identifier (Permian) and lost touch with the self-name (Komi). To implement the leading interdialectal differences in the area the name-pejorative *lodz/vodz* "gadfly" is used.

The Russian-speaking population of the Yurlinsky district, called *paryonki* "steamed vegetables" by the Komi-Perm, identifies itself as a nickname of Russian origin.

Keywords: Komi-Perm language, self-name, the external ethnonym, motivated ethnonym, ethno connotation, ethnic group, the Komi-Perm, the Russian, the Yazva Komi-Perm, the Zuzdin Komi-Perm.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 3, pp. 403–411. In Russian.

REFERENCES

Batalova R. M. *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal studies on Eastern Finno-Ugric languages (Komi languages)]. Moscow, 1982. 167 p. In Russian.

Batalova R. M. *Dialektnaya sistema komi-permyackogo yazyka i ee razvitie v sravnitel'nom i areal'nom osveshchenii. Nauchnyi doklad, predstavlenyi v kachestve dis. na soisk. uch. step. dok. filol. nauk* [the Dialect system of the Komi-Permian language and its development in comparative and areal coverage. Research report submitted as a dis. on competition of a scientific degree. academic step. dock. Phil. Sciences]. Moscow, 1998. 69 p. In Russian.

Berezovich E. L., Gulik D. P. *Onomasiologicheskii portret "cheloveka etnicheskogo": principy postroeniya i interpretatsii* [Onomasiological portrait of "ethnic man": principles of construction and interpretation]. *Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka: (v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte)* [Meetings of ethnic cultures in the mirror of language: (in comparative linguocultural aspect)]. Moscow, Nauka Publ., 2002. pp. 232–253. In Russian.

Vlasova I. V. *K izucheniyu etnograficheskikh grupp russkikh (Yurlintsy)* [To the study of Russian ethnic groups (Uralintzi)]. *Nash kraj. Sbornik statei nauchno-populyarnykh i kraevedcheskikh* [Our region. Collection of articles of popular science and local lore]. Kudymkar, 1995. Vol. 7. pp. 58–65. In Russian.

Goleva T. G. *Etnoterritorial'naya i etnokul'turnaya identichnost' komi-permyakov v prozvizhchnykh nazvaniyakh grupp* [Ethno-territorial and ethno-cultural identity of the Komi-Perm in the nicknames of groups]. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII-XXI vv* [Ural industrial. Bakunin readings. Industrial modernization of the Urals in the XVIII-XXI centuries]. Materials XI all-Russian scientific conference. Vol.2. Actual problems of modern science: views of young researchers. Ekaterinburg, 2013. pp. 44–48. In Russian.

Golovko E. V. *Yazyk i samoidentifikatsiya. Yazyk i etnichnost'* [Language and self-identification. Language and ethnicity]. *Edinoe okno dostupa k obrazovatel'nyim resursam* [Single window of access to educational resources]. In Russian. URL: <http://window.edu.EN/windowcatalog/pdf2txt?pid=16267> (accessed 01.01.2019). In Russian.

Klimov V. V. *Olan vuzhhez / Kornii bytiya. Etnograficheskie zametki o komi-permyakakh* [Olan vugges / Roots of life. Ethnographic notes about the Komi-Perm]. Kudymkar, 2007. 368 p. In Komi-Perm and Russian.

Kon'shin A. E. *Issledovaniya o zyuzdinskikh permyakakh v istoricheskoi retrospektive* [Studies on Zyuzdin-Perm people in historical perspective]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2016. Vol. 10. issue 4. pp. 83–88. In Russian.

KPRS – Komi-permyatsko-russkii slovar' [KPRD-Komi-Permyak-Russian dictionary] /ed.-composition. R. M. Batalova, A. S. Krivoshechekova-Gantman. Moscow, 1985. 624 p. In Komi-Perm and Russian.

KESKYA – Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka [SEDKL – Short etymological dictionary of the Komi language] / ed.-composition. V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev. Moscow. 1970. 386 p. In Russian.

Lobanova A. S. *O kul'turnykh konnotatsiyakh otdel'nykh etnonimov v yazyke komi-permyakov* [About the cultural connotations of certain names in the language of the Komi-Perm]. *Traditsionnaya kul'tura. Nauchnyi al'manakh* [Traditional culture. Scientific almanac]. 2014. № 3 (55) pp. 85–91. In Russian.

Lobanova A. S. *Ornitonim RAKA "VORONA (VORON)" v komi-permyatskom yazyke. Lingvokul'turologicheskii aspekt* [Ornithonym RAKA "CROW (RAVEN)" in Komi-Permyak language. Linguoculturological aspect] *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and foreign Philology]. 2016. Vol. 4 (36). Perm, pp. 22–30. In Russian.

Lobanova A. S. *Yashcheritsa (dzödzyv) v kul'ture i v yazyke komi-permyakov. Onomasiologicheskii i semasiologicheskii aspekty* [Lizard (dzödzyv) in culture and in the language of the Komi-Perm. Onomasiological and semasiological aspects]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"* [Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology"]. Izhevsk, 2017. pp. 459–467. In Russian.

Lobanova A. S. *Lingvokul'turologicheskii aspekt metaforizatsii komi-permyatskikh nazvanii nasekomykh* [Linguocultural aspect of metaphorization of Komi-Permian names of insects]. *Nauchnyi zhurnal. Filologiya v XXI veke* [Scientific journal. Philology in the XXI century]. 2018, № 1. Founder: Perm state University. Perm, 2018. pp. 172–180. In Russian.

Lobanova A. S., Kichigina K. S. *Russko-komi-yaz'vinskii slovar'* [Russian-Komi-yazvinski dictionary]. Perm, 2012. 244 p. In Russian and Komi-Yazvinski.

Lytkin V. I. *Istoricheskaya grammatika komi yazyka. Vvedenie. Fonetika*. [Historical grammar of the Komi language. Introduction. Phonetics]. Part 1. Syktyvkar, 1957. 135 p. In Russian.

Napol'skikh V. V. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to historical uralistics]. Izhevsk, 1997. 268 p. In Russian.

Parshakova A. L. *Komi-yaz'vinskii bukvar'* [Komi-yazvin primer]. Perm, 2003. 135 p. In Komi-Yazvinski.

Ponomareva L. G. *Materialy po izucheniyu konsonantizma yazyka yaz'vinskikh permyakov* [Materials for the study of the consonant system of the language of Yazva-Perm people]. Perm, 2005. 22 p. In Russian.

Potapova O. V. *Yazykovye etnicheskie stereotipy i ikh predstavlenie v belorusskoi, russkoi i pol'skoi leksikografii XIX veka : dis. ... kand. filol. nauk* [Language ethnic stereotypes and their representation in the Belarusian, Russian and Polish lexicography of the XIX century : dis. ... kand. Phil. Sciences]. Minsk, 2005. In Russian.

Tsypanov E. A. *Komi etnonimy* [Komi ethnonyms]. URL: <http://komikyv.com/archives/5977>. (accessed: 01.01.2019). In Russian.

Chagin G. N. *Yaz'vinskie permyaki (istoriya i traditsii)* [Yazvin Perm people (history and traditions)]. *Nash kraj. Sbornik statei nauchno-populyarnykh i kraevedcheskikh* [Our region. Collection of articles of popular science and local lore]. Vol. 7. Kudymkar, 1995. pp. 65–83. In Russian.

Chagin G. N. *Etnosy i kul'tury na styke Evropy i Azii* [Ethnic groups and cultures at the crossroads of Europe and Asia]. Perm, 2002. 384 p. In Russian.

Chernykh A. V. *Narody Permskogo kraya. Istoriya i etnografiya* [The peoples of the Perm region. History and Ethnography]. Perm, 2007. 296 p. In Russian.

Yurlinskii kraj. Traditsionnaya kul'tura russkikh kontsa XIX-XX vekov [Yurlinsky region. Traditional Russian culture of the late XIX–XX centuries]. Materials and research /team of authors: A. A. Bakhmatov, I. A. Podjukov, A. V. Chernykh, S. V. Khorobrykh. Kudymkar, 2003. 496 p. In Russian.

Genetz A. *Ost-permische Sprachstudien*. Helsingfors: Die finnische Literatur-Gesellschaft, 1897. 57 S. In German.

Redei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A. Wolegows von Karoj Redei. Budapest. 1968. 139 s. In German.

Received 19.07.2019

Lobanova Alevtina Stepanovna,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation
E-mail: lobanova@pspu.ru